

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы

Малеев Ю.Н.*

То, что в последнее время, а конкретно – после 11 сентября 2001 г. и дальнейших событий, мир радикально изменился, стало трюизмом. Заметным следствием такого изменения явилось повышенное внимание публики к различным аспектам применения силы как внутри государств, так и в международных отношениях. Можно сказать, пришло отрезвление мирового сообщества, испытавшего шок от последствий им же самим муссировавшегося принципа неприменения силы в международных отношениях (переносимого и на конфликты внутригосударственные), в то время как сила, точнее сказать, прежде всего – сила, структурирует и поддерживает организацию человеческого сообщества. Речь идет о дефиците «позитивной» силы, действующей в интересах стабильности мирового сообщества в целом и противостоящей обретающей мощь деструктивной силе.

Отрезвление наступило. Свидетельством этого, кроме прочего, является новая военная доктрина Российской Федерации, предусматривающая нанесение превентивных ударов в случае наличия внешней военной или экономической угрозы, а также соотечественникам за рубежом. Чтобы понять степень обеспокоенности мирового сообщества ситуацией, достаточно вслушаться в терминологию, которой оперируют современные политики, ученые и публицисты: длительная борьба с терроризмом; борьба цивилизаций; готовность США использовать каждое необходимое оружие войны; создание глобальной сис-

---

* Малеев Юрий Николаевич – д.ю.н., профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России.

темы противодействия новым угрозам и вызовам, которые способны взорвать сегодня всю стратегическую ситуацию в мире; война «новых варваров» против «старой цивилизации» на полное уничтожение; войны всю жизнь сопровождают человечество, которое находится на пороге шестого поколения бесконтактных войн с переходом в космос и т.д. и т.п. При этом – с небывалым единением бывших противников пред лицом «новых угроз».

Переоценка значения силы в современном обществе очевидна. Безусловно, не силовые способы воздействия (нормы морали, этики, нравственности, мирные средства разрешения споров и т.п.) играют свою полезную роль. Но, как показывает опыт, эта роль бывает востребована, как правило, лишь в тех случаях, когда в наличии есть сила, способная немедленно вступить в действие для обеспечения интересов общества и сообществ. И совсем не обязательно, чтобы эта сила постоянно применялась. Лучше даже, если она остается в тени. Но наличие её, присутствие в наиболее важных местах государства, региона или планеты – обязательное условие, которому вредны любые разговоры о разоружении.

За всем этим стоит, однако, чрезвычайно важная производная проблема отношения к человеческой жизни, охраняемой огромным числом международных документов из области прав человека. Когда мы говорим «применение силы» в международных отношениях, то почти всегда имеем в виду вооруженную силу. А это война, вооруженный конфликт, человеческие жертвы. Как соизмерить правомерное применение оружия с необходимостью уважать жизнь каждого солдата и офицера, как своего, так и противника, не говоря уже о мирном населении?

Фактически, на протяжении всей истории человечества ничто так остро и постоянно не занимало умы правителей, философов, политиков, юристов, да и простых людей как допустимые пределы применения силы против человека, в особенности – с посягательством на его здоровье и саму жизнь, в том числе – в международных отношениях (как совсем свежий пример можно напомнить дебаты в Государственной Думе России по поводу отмены смертной казни).

В этом отношении всегда было легче носителям расистской идеологии и концепций, согласно которым человеческая жизнь вообще не должна приниматься в расчет при решении политических, религиозных и других серьезных вопросов. Но по мере того, как человеческое общество

в целом удалялось от варварского состояния, в нём возобладали стойкий императив высшей ценности человеческой жизни, под который вынуждены были мимикрировать и указанные «носители».

Именно этот императив, в конечном счете, определял и определяет допустимые пределы применения силы как внутри государства, так и в международных отношениях. Эти допустимые пределы в той или иной форме издавна закреплялись в традициях, вероучениях, политических, правовых (международно-правовых) нормах, в правилах морали и нравственности. Но ими постоянно пренебрегали, и триада «сила – право – человеческая жизнь» по-прежнему находится в центре внимания.

Сказанное относится не только и не столько к отсталым народам, сколько к так называемым «цивилизованным нациям» (в контексте пункта с) статьи 38 Статута Международного Суда ООН), поскольку, в основном, именно эти нации, если судить хотя бы по двум мировым войнам, дали миру «образцы» какого-то маниакального иступления в уничтожении человека, в котором Хиросима и Нагасаки являются таким же наглым вызовом, каким стали события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Между тем, представители этих цивилизованных наций убеждены, что именно они олицетворяют собой ту часть человечества, которая вышла из состояния варварства в отношениях между людьми и утверждает простые законы нравственности и права. Но, увы, это получается плохо. Культура так называемых «цивилизованных наций», прежде всего – США, насквозь пропитана культом насилия, который сознательно поддерживается в СМИ и в сознании граждан, давно уже образовав устойчивый синдром небрежения к чужой жизни.

Впрочем, этот синдром сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Человечеству, с одной стороны, вроде бы, есть чем гордиться: впечатляют удивительные достижения искусства и науки, сложившиеся передовые нормы морали в отдельных людских коллективах. Но, с другой стороны, человеческая история столь же удивительным образом сопрягается с проявлениями необузданной жестокости, которые невозможно встретить даже в дикой природе.

Связано это с применением силы. В этом отношении наши предки оставили нам на редкость отвратительное наследие, ознакомиться с которым желающие могут хотя бы по монографии профессора Открытого Брюссельского университета Эрика Давида «Принципы

права вооруженных конфликтов», изданной в 2000 году на русском языке в Москве Международным Комитетом Красного Креста (МККК).

Естественно, охаивать предков – последнее дело. Они не виноваты в том, что, совсем недавно наполовину выйдя из состояния варварства, руководствовались в отношениях друг с другом (точнее, с теми, кого считали за врагов) такими «естественными» нормами как право сильного; горе побежденным (*vae victis*), которых тогда истребляли, калечили или, как правило, превращали в рабов.

Древний Рим, давший миру великолепные произведения искусства, особенно в области архитектуры и живописи, а также выдающихся философов, юристов и поэтов, неоднократно применял силу в полном пренебрежении к ценности человеческой личности. В этом плане можно вспомнить о полном уничтожении страны Вольсков, истреблении населения Регия, Вакхи, Нумидии и т.д.

Закон XII таблиц в свое время провозгласил, что в отношении неприятеля допустимо всё. Но и без данного закона принципиальное отношение к силе ещё долгое время сохранилось без изменения в той же «цивилизованной» части человеческого общества.

В 1793 году генерал Вестерман, герой гражданской войны во Франции, хвастливо пишет: «Вандеи больше нет. Она погибла от нашей свободоносной шпаги вместе со своими женщинами и детьми. Я похоронил её в болотах и лесах Савенэ согласно приказам, полученным от вас. Я потоптал детей и истребил женщин, которые – уж эти-то, во всяком случае – не будут больше рожать разбойников. Не могу себя упрекнуть во взятии хотя бы одного пленного. Я истребил всех; дороги усеяны трупами. Их столько, что во многих местах они образуют пирамиды».

Далее гитлеровский холокост второй мировой войны, американские Хиросима и Нагасаки, сталинские лагеря. И совсем близко – тюрьмы Батисты, события во Вьетнаме, Афганистане, Сомали, Руанде, Ираке, в Югославии, наконец, 11 сентября 2001 г. в США и т.п. При этом нормы международного гуманитарного права, к которым относятся правила ведения войны (Гагское право) и обращения с участниками вооруженных конфликтов (Женевское право), полезные сами по себе, мирно соседствуют со всеми этими мерзостями.

Прогрессивное развитие и кодификация международного права защиты прав человека (среди которых человеческая жизнь стоит

на первом месте), вроде бы, дает основания оптимистично подходить к состоянию дел в данной области. Но именно «вроде бы».

События 11 сентября 2001 г. в США и другие проявления международного терроризма для многих явились сюрпризом на фоне гуманистических достижений человечества. Но в принципе они находятся в одном ряду со многими другими человеческими мерзостями, не являясь чем-то особенным типологически.

Но если приведенные выше примеры свидетельствуют о пренебрежении к человеческой жизни как таковой, то события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне показывают, что международный терроризм является средством достижения серьезных политических целей.

По сути дела, брошен открытый вызов от имени всех тех, кого называют изгоями, и кто не намерен растворяться в глобализации, воспринимая её как способ окончательного порабощения «нецивилизованных» наций «цивилизованными». Периферийными проявлениями этой идеологии являются такие локальные стычки как конфликт между Израилем и Палестиной. Но в целом мы имеем дело с появлением крупной контр-силы, готовой противостоять исторически сложившейся, своего рода тоталитарной силе Европы и Северной Америки, олицетворяющих западную цивилизацию.

Для серьезных аналитиков совершенно ясно, что Бен Ладен и ему подобные – всего лишь фигуры на мировой шахматной доске, на которой игру ведут серьезные политики из различных государствах мусульманского мира. Этот мир заявляет: «Смотрите, на что мы готовы идти! Все ужасы, которые вы творили с людьми, меркнут по сравнению с теми, которые мы устроим вам. При том – по всему миру».

Вызов принят. Совершенно очевидно, что последовавшие за этим меры по борьбе с международным терроризмом выходят за рамки обычной самообороны, предусматриваемой статьей 51 Устава ООН, и являются актами длительного применения силы сообществом одних государств против других государств в целях... А вот каковы эти цели – вопрос непростой и для самих участников антитеррористической коалиции.

Нравственные мотивы, безусловно, здесь присутствуют. Но они, опять же, вторичны. Иначе пришлось бы логическую линию вести через гуманистические традиции и усилия разного рода философов, моралистов, поэтов и прочих гуманистов разных времен и народов.

Становление норм, ограничивающих применение силы, как известно, происходило непрерывно. Такое ограничение нередко касалось

лишь отдельных категорий лиц, а не людей как таковых. Например, соборы в Шарру (989 г.), Нарбонне (990 г.), Ансе (994 г.) и Лиможе (997 г.) провозгласили неприкосновенность и иммунитет церквей, монастырей, бедняков, духовных лиц, торговцев, земледельцев и их имущества, выдавая это за правила Божьего мира, нарушение которых каралось отлучением от Церкви, при полном небрежении ко всему остальному человеческому роду. Такими же половинчатыми выглядят и нормы, запрещающие военные действия во время христианских праздников и с 15.00 субботы до 6.00 понедельника (Эльнский собор 1027 г.) и продление последних сроков с вечера среды до утра понедельника (Монстриондский собор 1041 г.). Плюс к этому периоды, предшествующие некоторым праздникам. В результате примерно три четверти года стали для христиан днями обязательного мира.

Ислам следовал тем же половинчатым путем, осуждая нанесение увечий, пытки и ставя целью защиты от воздействия войны стариков, женщин, детей, мусульманские монастырские комплексы и их имущество. «Вагиат» (1280 г.) расширил этот перечень на душевнобольных, калек, парламентариев, источники и фонтаны (последние запрещалось отравлять). При этом некоторые суры Корана предусматривают неприменение гуманитарных принципов к тем неверным, которые упорствуют в своей ереси.

Словом, «все хороши». И вполне можно согласиться с упомянутым выше Эриком Давидом, когда он характеризует данную ситуацию следующим образом: «...воплощение самых благородных идей чередуется с самыми циничными предписаниями и гнусным варварством». Примеры последнего можно приводить бесконечно.

Взлет гуманитарного права начался в XIX веке, с развитием норм права нейтралитета и с появлением движения Международного Красного Креста. Именно с тех пор моральные и властные (затем правовые) ограничения на бесконтрольное применение силы постепенно пробивали себе дорогу. Некоторые аналитики объясняют это тем, что с развитием общественной мысли, осознанием воюющими сторонами необходимости **беречь свои людские ресурсы**, а также **иррациональности, бесполезности и даже экономической вредности** тотального уничтожения и истребления, а также из-за **страха возмездия** люди постепенно изменили отношение к побежденным. Одним словом – выгодно. Скорее всего, это так, несмотря на весь прагматический цинизм такого постулата. Добавить к этому тех, кто по религиозному или

иному убеждению следует гуманитарным догматам – и число сторонников ограничения применения силы (не только к побежденным) окажется весьма внушительным.

Безусловно, огромное значение для постановки применения силы в жесткие рамки сыграло международное гуманитарное право, которое следует связывать как с договорными, так и с обычно-правовыми нормами. Но, как известно, почти все из норм этого права направлены всего лишь на обуздание «гносного варварства», на смягчение ужасов войны и применения вооруженной силы, а не на исключение последней из жизни общества.

И в этой связи уместно поставить вопрос: а возможно ли в принципе такое исключение и не увлекаются ли те политики и юристы, которые утверждают, что в современном международном праве есть принцип неприменения силы в международных отношениях? Безусловно, увлекаются, а их ссылки на п. 4 ст. 2 Устава ООН в таком контексте безосновательны, поскольку в этом пункте говорится всего лишь о **воздержании** от применения силы или угрозы применения насилия. Кстати, в том разделе Декларации принципов 1970 года, в котором освещается данный принцип, везде это слово присутствует, раскрывая, таким образом, его диспозитивность, в отличие от других разделов Декларации, где с очевидностью подчеркивается императивность остальных рассматриваемых принципов.

Вообще реально возможным принципом в данном случае может быть только принцип адекватного и пропорционального применения силы. Имеется в виду опять же «позитивная» сила, которая всегда должна быть в наличии, что дает основания даже ставить вопрос об обязанности государств вооружаться в позитивных целях, то есть в целях сохранения единства мирового сообщества, его самосохранения. И национальные и региональные интересы обороны должны пропускаться через призму этой основной цели.

Следует отметить, что нормативное (диспозитивное) содержание принципа ст. 2 п. 4 Устава ООН с необыкновенной легкостью оказалось размытым не только публицистами, учеными, но и политиками. Так, пункт II 1-го подраздела Заключительного акта СБСЕ 1975 года называется «Неприменение силы или угрозы силой», а по тексту речь в нем идет именно о «воздержании», то есть полная непоследовательность.

В таком серьезном акте как Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года СБСЕ (раздел «Принципы») читаем: «Государства-участ-

ники вновь подтверждают необходимость того, чтобы **неприменение** (выделено мною. – Ю.М.) силы или угрозы силой, как закон международной жизни, строго и эффективно соблюдалось».

Далее, в ООН существует Специальный комитет по усилению эффективности принципа неприменения силы в международных отношениях (хотя, повторим, формально существует только принцип **воздержания** от применения силы...), и Генеральная Ассамблея в своей резолюции 41/76 от 3 декабря 1986 г. постановила, чтобы этот комитет завершил работу над проектом декларации об усилении указанного несуществующего принципа.

Что и было сделано. Декларация об усилении эффективности принципа **отказа от угрозы силой или её применения** в международных отношениях была утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 18 ноября 1987 г. Понятно, что, в свете сказанного, уже само название Декларации некорректно.

Спрашивается, что же всё-таки хотя бы формально существует: принцип **неприменения силы**, как следует из названия указанного комитета, принцип отказа от угрозы силой или её применения, как следует из названия Декларации, или принцип, зафиксированный в пункте 4 статьи 2 Устава ООН, на который Генеральная Ассамблея всё же не забывает сослаться в первом абзаце преамбулы указанной Декларации (но там же, в пятом абзаце, вновь возвращается к «отказу от»)? И в резолютивной части, указав всё же в первом пункте на обязанность государств воздерживаться от..., Генеральная Ассамблея вновь возвращается к принципу «отказа от угрозы силой или её применения» (пункты 2, 15, 16, 25). Если добавить к этому перечню Пакт Бриана-Келлога 1928 года, где говорится об отказе от применения силы, то голова и вовсе идет кругом от такого разнообразия.

Примеров смешения указанных понятий такое множество, что начинаешь сомневаться, например, действительно ли Правительство Лаоса намерено «не прибегать к применению силы или к угрозе применения силы, так чтобы это могло нанести ущерб миру в других странах» (Декларация о нейтралитете Лаоса от 23 мая 1962 г.) или же оно, в духе п. 4 ст. 2 Устава ООН, намерено всего лишь «воздерживаться от...», как это ясно выражено, например, в Заключительном акте Парижской конференции по Камбодже от 23 октября 1991 г., п. 2 (е)).

Представляется очевидным, что в реальных условиях действует именно принцип воздержания от..., точнее – даже принцип адекват-

ного и пропорционального применения силы, в котором «воздержание» имманентно подразумевается (в противном случае невозможна ни адекватность, ни пропорциональность).

Очевидно, что именно этим руководствовались Государства – участники СНГ, когда договаривались сотрудничать в целях обеспечения стабильного положения на их внешних границах (Соглашение от 9 октября 1992 г.); когда Беларусь, Казахстан, Россия и Украина 21 декабря 1991 г., заключая Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия, предусмотрели в ст. 1, что ядерные вооружения, входящие в состав Объединенных стратегических вооруженных сил, обеспечивают коллективную безопасность всех участников СНГ и заявили, что не применяют такое оружие первыми (но не указали, что в целях самообороны).

Применение силы допускается Уставом ООН, и не только в целях индивидуальной или коллективной самообороны по Статье 51. Но вопрос, – в какой мере такое применение (в отличие от древних времен) связано правовыми (международно-правовыми) нормами?

В последнее время на данную тему вышло много материалов. Один из них – доклад «Примат международного права и мандат Организации Объединенных наций», который сделал Заместитель Генерального секретаря по правовым вопросам, юрисконсульт ООН Ханс Корелл на конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях» (состоявшейся в Москве 2 ноября 2000 г.).

Он, в частности, выделил ту часть доклада Генерального секретаря ООН Кофи Анана «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» («Доклад тысячелетия»), где говорится: «В долгосрочном плане более широкое утверждение принципа господства права стало основой для значительного социального прогресса, достигнутого за последнее тысячелетие. Конечно, работа в этой области еще не завершена, особенно на международном уровне, и наши усилия по углублению этого процесса продолжаются».

Примат права предполагает, что вся власть в государстве осуществляется в строгом соответствии с нормативно-правовыми актами, включая Конституцию, а также другие законы и подзаконные акты, которые принимаются правительством или другими органами, наделенными соответствующими полномочиями (министерствами, государственными комитетами, ведомствами и т.п.). При этом важно, что этому правилу должно подчиняться не только население данной страны (граждане

и лица без гражданства, апатриды), пребывающие в ней иностранцы, но и глава государства, парламент, судебные и другие власти. Сами законодательные органы обязаны в точности следовать принятым ими же законам, а те, кто применяет закон (судебная власть, в первую очередь) не должны запрашивать или получать указания от других органов, в частности, от политических структур.

То, что в жизни такой идиллической системы практически нет ни в одном государстве, не меняет существа дела. Это уже нарушение установленного порядка, который по своей сути отличается от произвола и своевластия, характерных для древних веков, и за нарушение которого предусматривается ответственность (как хорошо видно из вышеизложенного, в древние века произвол, наоборот, поощрялся, будучи нормальным правилом поведения).

Сходная картина наблюдается и в современных международных отношениях. Собственно говоря, сегодня не столь важно, по каким причинам народы и государства перешли от общения по правилам, царящим в дикой природе, к общению, основанному на правовых предписаниях, которые зафиксированы, в основном, в договорах и обычаях. В этом плане буквально революционными в истории человечества можно квалифицировать ставшие слишком привычными для нас слова Преамбулы Устава ООН, где говорится, что народы Объединенных наций преисполнены решимости «...создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права»; слова п. 1 ст. 1 Устава о том, что одна из целей ООН состоит в том, чтобы «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира», а также слова п. 3 той же статьи, говорящие о том, что ещё одной целью ООН является осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Ханс Корелл выделяет также детальные положения о мирном разрешении споров, содержащиеся в Главе VI Устава, подчеркивает факт существования Международного Суда ООН и, на наш взгляд, с полным основанием заключает, что «одна из целей ООН заключается в том, чтобы внести вклад в утверждение примата права в международных отношениях».

Вообще, международно-правовая система призвана упорядочить международные отношения, ввести их в русло предписаний, содержащихся в нормах международного права, грандиозна, и было бы напрасной тратой времени перечислять все звенья этой системы. Несомненно, эта система является взаимосвязанным, взаимозависимым собранием принципов и норм, определяющим все важнейшие стороны международных отношений. И в этой системе нормативно нет места силовому произволу, поведению, идущему вразрез с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Формально это так. Но, во-первых, те же государства, которые добивались закрепления в Уставе ООН соответствующих норм (в том числе – великие державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН), в течение периода после Второй мировой войны неоднократно прибегали к силовым акциям, идущим вразрез с ими же принятыми нормами международного права. Из этого можно сделать вывод, что соответствующие нормы рассчитаны на «стандартные и прогнозируемые» ситуации и не применимы к чрезвычайным ситуациям, затрагивающим жизненно важные интересы государств.

Во-вторых, в период холодной войны (ядерного противостояния) вооруженные конфликты в Европе и в развивающихся странах были крайне редки. За последние десять лет такого противостояния в Европе вообще не было ни одного военного конфликта, а после 1989 года число их достигло цифры 13. После их некоторого сокращения (1990 год – 8 конфликтов), их число стало возрастать: 1991 год – 13, 1992 год – 17, 1993 год – 18, 1997 год – 22, 1998 год – 28. Из этого можно сделать, что противостоящие в международных отношениях в послевоенный период силы носили позитивный, стабилизирующий характер.

В наши же дни выстраивается во многом новая правовая модель международных отношений. Но, как и в прежней модели, за ней с несомненностью стоит сила, только несколько иная. В этом плане интересны некоторые оценки современной данной ситуации, данные бывшим Министром иностранных дел России И. Ивановым в выступлении 2 ноября 2000 г. на Международной конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях». Доклад Министра носил характерное и необычное название: «Верховенство права в международных отношениях – залог всеобъемлющей стратегической стабильности и безопасности в XXI веке». Необычное потому, что еще не один Министр иностранных дел ни СССР, ни России,

да ещё в специальном документе, не пел такие дифирамбы (как выразился профессор О.Н. Хлестов, «оду») международному праву. Ясно, что такое могло случиться только в критической ситуации.

Мы уже сжились с термином «многополярный мир», авторство которого приписывают Е.М. Примакову. И многие искренне полагают, что именно такой мир и строится сегодня. Но как быть с тем фактом, что США и их союзники с очевидностью и не безуспешно строят модель однополярного мира во главе с США? Об этом весьма убедительно рассуждает Страус Айра в ряде своих публикаций, в частности, в своей статье «Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России», опубликованной в 1997 году в журнале «Космополис». За минувшие четыре с лишним года эта тенденция только усилилась.

И естественно, что без силовой конфронтации с теми, кому такая однополярность (синоним «униполярности») совершенно не нужна, такое наращивание обойтись не может. А.В. Загорский, в том же журнале критикующий любые концепции полярности полагает, что страны, входящие в ядро мировой экономики, располагают беспрецедентной военной мощью, позволяющей им не опасаться угрозы масштабного военного нападения. Но дело, во-первых, в том, что после 11 сентября 2001 г. само понятие «военное нападение» резко модифицировалось. «Масштабными» могут оказаться просто одновременные или постоянные акции камикадзе (шахидов) – подрывников (или использование биологического оружия) в ряде стратегически уязвимых точках страны и просто в густонаселенных районах. И, во-вторых, оценки, данные развитию международных отношений до даты 11 сентября 2001 г. не были рассчитаны на новую ситуацию.

А новая ситуация характеризуется тем, повторим, что «вызов брошен – вызов принят». Можно, конечно, весьма убедительно критиковать теорию однополярности, как это делают также А.А. Злобин, А.Г. Володин, Г.К. Широков, К.А. Сорокин и другие. Но гораздо более продуктивен подход ряда российских ученых, в частности А.Д. Богатурова, которые пытаются найти в концепции однополярности её разумное начало. Автор данной статьи также полагает, что тандем США – Западная Европа (и примкнувшая к ним Япония) строят именно однополярный мир, с намерением, в конечном счете, распространить западные принципы демократии и образа жизни на весь остальной мир и сделать рынок остального мира «своим».

Добавим к этому, что политический менталитет американцев (в том числе – всех их политиков) в принципе зиждется на парадигме соперничества, господства силы, стремления к господству в международных отношениях. Среди многочисленных работ в духе такого «политического реализма» наибольшую известность получили фундаментальные труды Ю. Росту и З. Бжезинского, которые в новых условиях оказываются как никогда востребованными теми, кто пытается строить однополярный мир. Надо считаться с объективным фактом, что «американцы такие» и останутся такими. Силловые методы общения, в том числе – в международных отношениях, для них так же естественны как бой для боксера. И нелепо было бы рассчитывать, что они тут же не заполнят «силовую нишу», образовавшуюся после распада СССР и всей противостоящей им недавно системы, называемой условно социалистической. Как не расценивай этот факт, позитивно или негативно, но это именно факт, который подлежит включению в систему политических координат в контексте скачкообразного возрастания силового начала в политике Запада во главе США. Даже когда американские политологи пропагандируют «Всеобщий мир через мировое право» (таково название нашумевшей книги Г. Кларка и Л. Со-на, изданной в Кембридже ещё в 1958 году), они, конечно же, мыслят только себя во главе такого мира, рассуждая о: превращении Генеральной Ассамблеи ООН в подобие мирового парламента, образовании единого «мирового бюджета», создания «полицейских сил мира» и т.п.

В контексте активно ведущихся сегодня разговоров о глобализации эти идеи, вроде бы, весьма ко времени. Хотя бы в плане дискуссии. Вместе с тем, нельзя забывать о том, что стратегической целью мусульман является установление своего религиозно-политического порядка в мире, который был бы основан на Коране и Хадисе. И достигнуто это должно быть путем джихада – священной войны с неверными. Это – тоже мечта об однополярном мире, но на свой лад. Очевидным фактом является и то, что мусульманские страны вынуждены считаться с подавляющей военной силой западного мира, и пытаются примирить свою идеологию с общемировыми политическими ценностями и нормами (течение либерального ислама, возникшее в XX веке). Но это примирение вынужденное. В последнее время в исламском мире все громче звучат голоса тех (особенно среди приверженцев радикального течения в исламе – шиизма), кто резко критикует современный миропорядок, основанный, по их мнению, не столько на гуманных

принципах, сколько на экономической и военной мощи западных стран. Вывод понятен: опять джихад (в Афганистане против США он уже объявлялся), опять война, опять в центре внимания сила.

Не следует рассчитывать и на то, что либеральная интерпретация ислама окажет решающее влияние на умонастроения политиков исламского мира и его религиозных властителей. В этом отношении весьма слабую надежду дает высказанная в Коране идея общечеловеческого единства, на основе которой арабский философ Аль-Фараби вывел возможность гуманистического непринятия войны, том числе мусульманами. Факты свидетельствуют о другом. Не говоря уже об отмеченном радикальном течении в исламе, рядовые мусульмане клянутся на Коране отдать свою жизнь во имя веры, чтобы потом захватывать пассажирские самолеты, чтобы врзаться в небоскребы «Международного торгового центра» в Нью-Йорке или подрывают себя, неся смерть и увечья десяткам мирных граждан в Тель-Авиве и других городах Израиля.

Ситуация нередко выходит из-под контроля политических руководителей, угрожая, в итоге, самыми трагическими последствиями больше всего для того же мусульманского мира, учитывая колоссальную силу «оружия возмездия», которым располагает остальной мир.

И в более широком плане нельзя не делать серьезных выводов из таких конфликтов, как между Ираном и Ираком, между Ираком и Кувейтом и его союзниками, как кризис в Сомали, из конфликтов на территории бывшего СССР и бывшей Югославии, а также в Ливерии, Конго, Бурунди, Руанде, Косово, антииракская агрессия 2003 года.

США и НАТО (по сути дела – те же США), аналитики и разведка которых быстрее других сориентировалась в том, что происходит в мире, не стесняясь, взяли курс на силовую модель поведения в международных отношениях (оставив социологам возможность вести общие разговоры о новом мироустройстве). Об этом свидетельствует и новая Программа НАТО, позволяющая ей в нарушение ст. 5 собственного Устава совершать силовые акции в любом районе земного шара, и выход США в 2001 году из Договора по ПРО, и расширение военных баз США и НАТО в мире и целый ряд других факторов.

Кроме сказанного выше, следует обратить внимание политиков и на те голоса, которые напоминают о гроздьях гнева, созревших в развивающихся странах, о позорной истории западного мира, долгое время державшего целые континенты в колониальном рабстве, и требуют восстановить историческую справедливость.

Но должно быть предельно ясно, что никакого передела мира или реванша не будет. Какой бы позор или вину не возлагать на западные державы за их эксплуатацию ресурсов колониальных стран, поступаться своим современным уровнем жизни и достижениями всего лишь по моральным соображениям они не станут. И готовы защищать свое богатство силой.

Другой аспект, связанный с акцией НАТО в Югославии. Опять была применена сила, притом в обход Совета Безопасности ООН, «в целях защиты прав человека». Эта акция вполне ложится в общий силовой курс, взятый США и их союзниками на современном этапе. Будучи не в восторге от этого курса в принципе, полагая, что силовая модель нового миростроительства должна осуществляться под эгидой ООН, я, тем не менее, расцениваю эту акцию как позитивную.

Эта позитивность проявляется в том, что в данном случае сила была применена в ситуации, когда не было времени для размышления и выбора каких-либо иных средств, поскольку рядом убивали людей. И не просто убивали, а был развязан геноцид. Ожидать же, пока соберется Совет Безопасности, заседание которого наверняка должно было закончиться ничем ввиду вероятного veto России и Китая, фактически означало попустительство массовым убийствам.

В данном случае речь не идет о вмешательстве во внутренние дела государства и посягательстве на соответствующий принцип государственного суверенитета, поскольку права человека и его жизнь, в первую очередь, находятся под защитой международного права. Иногда в этой связи говорят, что нарушен принцип неприменения силы в международных отношениях. Но, повторяем, такого принципа нет. А в соответствии с существующим в п. 4 ст. 2 Устава ООН страны НАТО **воздерживались** от своей акции до тех пор, пока такое воздержание не стало означать попустительство международному преступлению.

Натовская акция в Югославии (но не против Югославии) лежит в русле доктрины «гуманитарной интервенции». Собственно говоря, своей акцией в Афганистане США также создали прецедент – «превентивной самообороны», поскольку развязали военные действия не против тех, кто направил самолеты на Международный торговый центр, а против потенциальных террористов.

Словом, элемент силы в международных отношениях возрастает, о чем также свидетельствует разработка всё более изощренных видов оружия и активизация военного сотрудничества

между государствами. В этой ситуации, на наш взгляд, необходимо предпринять следующее:

Во-первых, утверждать в международных отношениях принцип адекватного и пропорционального применения силы вместо доказавшего свою полную бесполезность и даже вредность принципа воздержания от применения силы по ст. 2, п. 4 Устава ООН, не говоря уже о его искаженном двойнике – принципе неприменения силы. Последнего «в принципе» быть не может, как не может быть спиртного, которое производили бы для того, чтобы его не употреблять. Воздержание от употребления всем идет на пользу: и самим употребляющим и окружающим, с этим можно согласиться.

Во-вторых, как можно скорее создать Постоянные Вооруженные Силы ООН, используя которые можно было бы оперативно действовать в интересах всего мирового сообщества, отдельных государств и защиты прав человека, опережая, когда это необходимо, отдельные вооруженные акции отдельных государств или даже региональных военных блоков.

В третьих, тщательно изучить все аспекты доктрины «превентивной самообороны» без предвзятого негативного отношения к ней. В условиях, когда всё шире разрабатываются и испытываются новые виды оружия, способные нанести непоправимый урон целому государству, народу либо отдельной расе (генетическое оружие), опора только на ст. 51 Устава ООН (индивидуальная и коллективная самооборона) играет на руку агрессору.

В четвертых, не столь категорично выступать против доктрины «гуманитарной интервенции». Такие интервенции и ранее совершались (не только под флагом НАТО – в Югославии) – под флагом ООН в Сомали, Руанде, Ираке. Непринятие срочных мер (в том числе и, прежде всего – вооруженных) против групп, общин, государств и т.п., развязывающих резню на расовой, этнической, религиозной почве, будет способствовать возвращению человечества в самые дикие времена варварства и средневековья. Последний вопрос особенно актуален и тревожен, поскольку расовая нетерпимость в мире возрастает.

В пятых, прекратить процесс разоружения как играющий на руку деструктивным силам в мировой политике, которые сами не собираются присоединяться к соответствующим договорам или, будучи их участниками, тайно разрабатывают новые виды оружия массового уничтожения. Такое разоружение означало бы нечто вроде «превентивной капитуляции».

Понятно, что разговор на затронутую в данной статье тему столь многоаспектен и сложен, что заслуживает не одной солидной монографии. Но каждый автор вправе выделить в этой теме то, что ему представляется концептуально основным.

Речь не идет о реабилитации силы как таковой, животного или варварского начала в международных и внутригосударственных отношениях. Имеется в виду реабилитация той позитивной силы, которая многие последние десятилетия стабилизировала человеческое общество, и разрушение которой привело к столь драматическим последствиям в современном мире. Дефицит этой силы должен быть заполнен как можно скорее, не взирая на любые экономические издержки.

Безусловно, сказанное не означает отрицания действительности и даже примата международного права в международных и внутригосударственных отношениях. Но и это нельзя доводить до абсурда. Сегодня особенно необходимо помнить о доктрине действия в чрезвычайных обстоятельствах и о принципе дерогации.